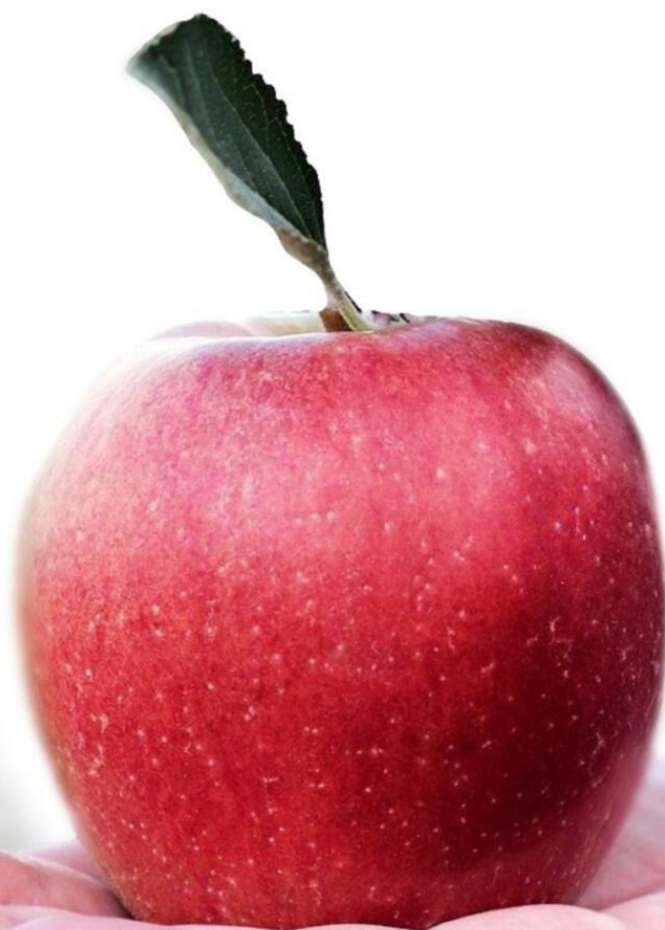

Глория Му

Хорошие собаки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Глория Му
Хорошие собаки

«Глория Му»

2011

Му Г.

Хорошие собаки / Г. Му — «Глория Му», 2011

Рассказ-размышление о превратностях великого и могучего и о самурайском кодексе в любви.

Глория Му

Хорошие собаки

Чеховский фестиваль всё приносит и приносит всякое, как морской прибой. И радости принёс, и французского цирка, и работы, и встреч с друзьями – хочу я этого или нет (о да, вот спросить забыли, надо ли мне было чего-нибудь, кроме французского цирка).

Ну, по поводу ещё работы я уже оторалась. Оторавшись же, села, подумала внимательно, и – о чудо! – выяснилось, что её (работы) ничуть не больше, чем обычно.

Столько же, сколько прошлым летом. Столько же, сколько зимой.

Беда в том, что зимой-то легче лёгкого быть трудолюбивым аскетом, а в июне, в июне вот запахло.

И я хожу по дому и вою, как перекинувшийся вервольф – ааауууыыыыыыыыыыыы-не-хочу-раааа-бо-тать-не хо-чуууууууууаааууууууу!!!!

– А чего хочешь? – невозмутимо спрашивает любимый мужчина.

Я прекращаю вой и, поразмыслив минутку, честно отвечаю:

– Шляться.

Я действительно хочу только одного – шляться. Шляться по Москве. И мне не надо ни шоколада, ни мармелада, ни Туниса, ни Мадрида, и на работу не хочу.

Только шляться по Москве, наматывая километры тротуаров, заползая в незнакомые переулки, читать дурацкие названия – Скарятинский, А-ще-улов, Первый Бабегородский, Второй Бабегородский (а кто-нибудь знает, сколько их всего, Бабегородских-то?), Ножовый, Медвежий и Лихов – выныривать в запылённых сквериках, сидеть как посторонний, как турист, на ступенях Пашкова дома, пить тёплую воду из трижды проклятой гринписовцами пластиковой бутылки и наблюдать, как мальчишки из Кремля катаются на своих машинках с мигалками.

Я её совсем забыла – Москву. Забросила. Оставила. Не помню, как куда откуда выйти и где свернуть, чтобы.

Соскучилась я по Москве, вот что, и теперь сбегая со спектаклей, отмазываюсь от необходимых встреч, вру в телефон всякое и провожу среди себя внезапные экскурсии.

Ну а кто бы ещё смог? Среди моих знакомых плохо с теми, кто, мило щебеча, может отмахать семь километров пешком и не подойти. А это как раз мой минимальный прогулочный формат.

Вот вчера топала от трёх вокзалов до девятьсот пятого и вспоминала разными нехорошими словами разных хороших людей, к слову, моих нынешних работодателей.

«Вы ебанулись, – думала я, – нет, вы не ебанулись – вы охуели. Не побоюсь этого слова – вы действительно охуели».

Брать меня на работу и тащить обратно в театр – это надо *действительно* охуеть.

Потому что это не мой прогулочный формат.

Где-нибудь на площади что поставить, чтобы там взрывалось, летало с двадцати метров, чтобы трансвеститы в перьях, цирковые в блёстках, механическая летающая свинья, исполняющая арию Доницетти, ходулист с фальшфейером в жопе и кордебалет в шахтерских касках с фонариками – это да. А театр... Ну не люблю я театр, карнавал люблю, а в театре вашем мне не развернуться. Я давно уже не театральный художник, а уличный. Видели, постеры висят по всему городу – «Великие художники России на улицах Москвы»? Во, так это мы самые и есть. А тут вдруг – театр. Театр, господибожетемой!

Я чувствую себя странно. Как медведь в цирке. Не цирковой медведь, нет, а дикий, чёрный, костлявый шатун, не спавший три зимы подряд, которого случайно – ну вот случайно – занесло в шапито.

А там – освещённая арена, красный бархат и дюжина чистеньких, беленьких, кудрявых цирковых собачек смиренно сидит на тумбах и смотрит доброжелательно.

– Ну, хорошо, – говорит шатун (то есть – я), вздыхает, садится на предложенную тумбу, по-кошачьи утирает морду лапой, чтобы сосредоточиться, и, как может вежливо, продолжает: – Хорошо, блять. И какова концепция нашего спектакля?

Вот такой французский цирк примерно. Хотя, опять же, если подумать – двенадцать *действительно* охувших собачек вполне могут комфортно сработаться с одним ебанутым медведем, пуркуа бы да не па?

И с этими мыслями прихожу на девятьсот пятого, чтобы встретиться там с одним театральным критиком, предвкушая с некоторым злорадством, как немедленно потребую посетить ресторан «Макдоналдс», в туалет и мороженого с карамелью.

Но театральный критик, маленький, бледный и хитрый выюн, приводит с собой крупного чёрного мужчину.

И мужчина этот настолько хорош (очень высокий – сторожевая башня – и очень чёрный, только ладони светлые, и тёплые, и мягкие, как солнечная дорожная пыль; и решительной лепки скулы, и запавшие щёки, и челюсти, как у термита, и губы – чётко очерченные, большие, цвета перезрелой сливы), что я напрочь забываю и про мороженое, и про карамель и, не сдержавшись, громко радуюсь:

– Вау! Это мне?!

Чёрный мужчина хохочет, а театральный критик говорит:

– Жан-Луи. Это – Жан-Луи, он движенец и... и... в общем, я думаю, что его интеллектуальный уровень полностью соответствует твоему. Жана-Луи так же легко рассмешить.

Движенец – это человек, который умеет фехтовать, танцевать и жонглировать семью шарами (*просто*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.